

Научная статья
УДК 94(470)“19/...”
doi: 10.54398/1818510X_2023_2_54

ПЕРЕВОД КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ НА ОСЕДЛОСТЬ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА
(XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)

Белозёрова Марина Витальевна

Субтропический научный центр РАН, г. Сочи, Россия
mbelozerowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3156-2458>

Аннотация. Актуальность проблемы перевода кочевников, проживающих и ведущих свое хозяйство в условиях горных экологических систем (Горный Алтай), на оседлость определяется фундаментальными изменениями в их социально-экономическом укладе, формированием идеологием на этой основе. Целью исследования стало отражение процесса перехода на оседлость автохтонных народов Горного Алтая, его последствия, очерчивание социальных технологий как составляющей национальной политики государства. В качестве методологической основы были использованы принципы системного и процессного подходов. Использованные выборочный метод и компаративный анализ позволили выявить общие черты перехода на оседлость автохтонных народов Горного Алтая в XIX – первой трети XX в. Для анализа были привлечены архивные документы, отложившиеся в фондах государственных архивов. Автор пришёл к следующим результатам и выводам: выделены этапы в процессе перевода на оседлость кочевников Горного Алтая (миссионерский или государственно-клерикальный в течение XIX в. и государственный в 1920–1930-е гг.), показана ориентация на качественное изменение уклада и образа жизни автохтонного населения. Выявлены социальные технологии перевода кочевников Горного Алтая на оседлость как осознанной деятельности социальных институтов — Алтайской духовной миссии и органов управления Ойротской автономной области. Они действовали в рамках государственного курса национальной политики в разных исторических условиях, преследуя единую цель – интеграцию в структуру российского на разных этапах его развития. Экологические факторы перевода кочевников на оседлость не учитывались.

Ключевые слова: оседлость, кочевники, социальные технологии, Горный Алтай, Ойротская автономная область, национальная политика, Алтайская духовная миссия, модернизация экономики и социальных отношений, коллективизация, трансформация традиционных форм хозяйства

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации Государственного задания Федерального исследовательского центра «Субтропический научный центр Российской академии наук» на тему: «Мониторинг этносоциальной обстановки в субъектах Российской Федерации: методология и методики информационного обеспечения национальной политики», регистрационный номер НИОКТР 122032300400-5 FGRW-2021-0014.

Для цитирования: Белозёрова М. В. Перевод кочевников Горного Алтая на оседлость: социальные технологии, трансформация традиционного хозяйства (XIX – первая треть XX в.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2 (75). С. 54–61. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_54.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE TRANSITION OF NOMADS OF ALTAI MOUNTAINS TO SEDENTARIZATION:
SOCIAL TECHNOLOGIES AND THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL ECONOMY
(XIX – FIRST THIRD OF THE XX)

Marina V. Belozerova

Subtropical Scientific Centre of the RAS, Sochi, Russia
mbelozerowa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3156-2458>

Abstract. The problem of transferring nomads living and leading their economy in the conditions of mountainous ecological systems (Gorny Altai) to a settled way of life urgency is determined both by fundamental changes in their socio-economic life, and by the ideology formation on this basis. The study purpose owas to reflect the process of transition to settled life of the autochthonous peoples of the Altai Mountains, its consequences, and to outline social technologies as a component of the national policy of the state. The principles of system and process approaches were used as a methodological basis. The used sampling method and comparative analysis made it possible to identify common features of the transition to settled life of the autochthonous peoples of Gorny Altai in the 19th — the first third of the 20th centuries. The archival documents deposited in the state archives funds were involved for the analysis. The author came to the following results and conclusions:

the stages in the process of transferring the nomads of the Altai Mountains to a settled way of life (missionary or state-clerical during the 19th century and state in the 1920–1930s), orientation towards a qualitative change in the way and way of life of the autochthonous. The social technologies of transferring the nomads of the Altai Mountains to a settled way of life are revealed as a conscious activity of social institutions — the Altai Spiritual Mission and the governing bodies of the Oirot Autonomous Region. They acted in different historical conditions, pursuing a common goal. Ecological factors of transfer of nomads to settled way of life were not taken into account. The author came to the following results and conclusions: the stages in the process of transferring the nomads of the Altai Mountains to a settled way of life are distinguished: state-clerical (missionary), covering the 19th century, and state in the 1920–1930s. The orientation of the authorities towards a qualitative change in the way of life of the autochthonous population was characteristic of both stages. The social technologies of transferring the nomads of the Altai Mountains to a settled way of life are revealed as manifestations of the conscious activity of political subjects (social institutions) — the Altai Spiritual Mission and the Oirot Autonomous Region executive authorities. It is the subject of politics acted in different historical conditions, pursuing a common goal. The environmental factors of the transition of nomads to settled life were not taken into account either at the first or at the second stages.

Keywords: settlement, nomads, social technologies, Altai Mountains, Oirot Autonomous Region, national policy, Altai Spiritual Mission, modernization of the economy and social relations, collectivization, transformation of traditional forms of economy

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the State Assignment of Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences «Monitoring the Ethno-Social Situation in the Constituent Entities of the Russian Federation: Methodology and Methods of Information Support for National Policy», registration number 122032300400-5 FGRW-2021-0014.

For citation: Belozerova M. V. The Transition of Nomads of Altai Mountains to Sedentarization: Social Technologies and the Transformation of Traditional Economy (XIX – first third of the XX). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 54–61. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_54.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В отечественной историографии проблема перевода кочевых и полукочевых народов на оседлость является одной из наиболее актуальных. Одной из главных причин была политизированность вопроса как в советский период истории нашей страны, так и в ряде исследований и публицистике в постсоветское время. Курс на оседлость кочевых народов или номадов в 1920–1930-е гг. стал одним из основных в национальной политике Советского государства. Он связывался с коллективизацией и встраивался в идеино-политическую борьбу, ему давали исторические оценки: от «чрезмерной цены», которую заплатили номады при модернизации и их «насилованного вытеснения» [2], до перехода к новому, передовому способу производства в сельском хозяйстве. Данный курс имел как позитивные, так и негативные стороны. Безусловно, перевод на оседлость, создание посёлков и городов позволили наладить системы здравоохранения и школьного образования, социальную инфраструктуру и решать множество проблем. С другой стороны, при реализации курса на коллективизацию, сопровождавшуюся переводом на оседлость, как правило, не учитывались сложившиеся и практиковавшиеся веками формы хозяйства (отгонное скотоводство), природно-климатические условия региона, его ландшафтные условия, дисперсная система расселения кочевников, полукочевников, охотников и собирателей. То есть актуальность проблематики определяется фундаментальными изменениями в социально-экономической жизни кочевых народов, формированием идеологием на этой основе.

Цель работы — отражение процесса перехода на оседлость автохтонных народов Горного Алтая и его последствий, применённых при реализации этого курса социальных технологий как составляющей национальной политики государства.

В качестве методологической основы были использованы принципы системного и процессного подходов. Выборочный метод позволил провести исследование по хронологическому (XIX – первой трети XX в.) и территориальному (Горный Алтай или Ойротская автономная область) срезам. Компаративный анализ позволил выявить общие черты перехода на оседлость на протяжении XIX – первой трети XX в.

Научная новизна. На основе корпуса источников впервые проведена попытка компаративного анализа стратегий и социальных технологий, использованных при переводе на оседлость кочевников Горного Алтая, трансформации традиционного образа жизни.

В научной литературе процесс перевода народов Южной Сибири в целом и Горном Алтае, в частности на оседлость, ведущих экстенсивные формы хозяйства и находящихся на стадии феодально-родовых отношений, отражен достаточно широко. Условно можно выделить ряд узловых точек в освещении данной проблематики. Для историографии XX в. было характерно то, что необходимость перевода автохтонных этносов к социалистическим производственным отношениям и на оседлость не подвергалась никакому сомнению. В исследованиях 1990-х гг. этот курс уже рассматривался как опирающийся на идеологические установки, а не на анализ протекавших этносоциальных процессов. И за пределами внимания оставался вопрос о том, насколько при решении социальных проблем в ходе развития альтернативных традиционным формам экономики учитывалась их экологическая составляющая.

В историографии Южной Сибири в наибольшей степени данная проблематика разработана для Алтайского региона (Горный Алтай или Ойротская автономная область [16; 19; 28, с. 211–214; 30, с. 53, 54, 114]). Основным предметом исследований стала взаимосвязь процесса перевода на оседлость алтайцев и деятельность Алтайской духовной миссии (далее — АДМ) и взаимосвязь перевода на оседлость и коллективизации. Была выявлена специфика национальной политики в XIX в., которая заключалась в привлечении к решению задач перевода на оседлость АДМ, в формировании института частной земельной собственности, интеграции населения в государственную структуру и других вопросов. По оценкам исследователей, в этот период колонизация региона имела государственно-клерикальный характер [25; 26, с. 23]. Коллективизация в Саяно-Алтайском регионе рассматривалась во взаимосвязи с вопросами перевода на оседлость автохтонного населения [6, с. 28–29]. Подробно рассмотрены условия подготовки к коллективизации в 1920–1930-е гг., роль ленинградских рабочих, показаны положительные стороны коллективизации [30]. В научных работах был поднят вопрос о последствиях и влиянии курса перехода на оседлость на традиционный производственный цикл и демографические процессы у алтайцев [26; 27]. В то же время кризисное состояние алтайских хозяйств после революции и Гражданской войны, стратегия перевода оседлость и другие вопросы не были отражены в полной мере. В последнее время рядом исследователей уделяется внимание природно-климатическим факторам перехода на оседлость этнических групп, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни [3].

Для анализа вопросов, связанных с переводом алтайцев на оседлость, нами были привлечены архивные документы, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Государственного архива Республики Алтай (КУРА ГАРА), данные экспедиционных поездок автора, историографические источники. Часть из них вводится в исторический оборот.

Основная часть

Деятельность Алтайской миссии и перевод на оседлость кочевников Горного Алтая: механизмы, последствия

При рассмотрении вопросов перевода автохтонных народов Южной Сибири на оседлость, прежде всего речь идёт о применении социальных технологий в рамках государственного национального курса. Исследование процессов перевода на оседлость позволило нам выделить два этапа: первый относится к XIX – началу XX в., второй — к 1920–1930 гг.

Первый этап перевода на оседлость кочевников Горного Алтая был начат в первой трети XIX в., этот курс был неразрывно связан с интеграцией в государственную структуру Российской империи вновь вошедших автохтонных народов, хозяйственным освоением новых территорий. На этом этапе формирование оседлого образа жизни было неразрывно связано с церковью (РПЦ), христианизацией автохтонного населения.

В начале XIX в. инородцы внутреннего Алтая после его вхождения в состав Российской империи — калмыки, телеуты, кумандинцы, киргизы и другие этнические группы алтайцев вели кочевой образ жизни, незначительно занимались торговлей с русскими, старались жить отдельно от них в аилах (тип жилой постройки), при строительстве которых использовалась береста и лиственничная кора, или в войлочных в юртах; кумандинцы строили бревенчатые аилы и избы, были объединены в общества, или улусы. Кочевой образ жизни не благоприятствовал распространению образования, организации и проведению санитарно-гигиенических мероприятий, оказанию медицинской помощи. В основной своей массе население было некрещёным. Все эти факторы в совокупности не способствовали интеграции алтайцев в состав Российской империи. В 1828 г. Святейший Синод принял решение о необходимости распространения христианской веры среди иноверцев Алтая путём миссионерского служения. Результатом этой деятельности должен был стать переход кочевников и полукочевников к оседлому образу жизни. Фактически реализация этого курса началась в 1830-х гг. с организации Алтайской духовной миссии, во главе которой Священным Синодом был поставлен архимандрит Макарий (Глухарев).

Таким образом, начался и в течение XIX в. проводился миссионерский, или государственно-клерикальный подход, при переводе кочевого населения Алтая на оседлость. Его специфическими чертами стали: крещение кочевников, переселение их в созданные посёлки русских переселенцев или поселение вблизи миссионерских станов, обучение приёмам ведения земледельческого хозяйства, грамоте, привитие санитарно-гигиенических норм, проведение благотворительности со стороны АДМ или частных лиц, реализация инициатив по административно-управленческому устройству [20, с. 108, 109, 112]. Крещение коренным образом меняло образ жизни кочевника, приучало его к ведению домашнего хозяйства, огородничеству и т. п. Административно оформлялись инородческие волости и управление в них. Основой для поселений служили станы Духовной миссии, создавалась структура территориального управления. Были открыты Чуйский, Чулышманский и Мрасский станы Алтайской миссии. Оставаясь в инородческой волости, население освобождалось от ряда крестьянских повинностей. По свидетельству миссионеров, через определённое время некоторые представители верхушки алтайского общества — зайсаны — осознавали преимущества оседлого образа жизни. Поселения создавались как совместные, так и отдельные только

для инородческого населения, принявшего христианство, и для русских переселенцев [1, с. 244, 245]. Согласно исследованиям И. И. Назарова [21], были случаи, когда в миссионерские селения «подселялись» русские семьи, чтобы обеспечить успешную интеграцию ойратов.

В конце XIX – начале XX в. курс, проводимый Алтайской духовной миссией, инициировал процессы этнической консолидации, проявившейся в движении бурханизма, достаточно подробно рассмотренного в отечественной историографии. Так, согласно оценкам исследователей, наиболее благоприятная ситуация для внедрения элементов буддизма в религиозное сознание алтайцев сложилась в этот период. Активизировалась проповедническая деятельность ламства из Северо-Западной Монголии [22; 24, с. 4–5; 29]. Проводимый АДМ курс вызвал недовольство земельной политикой и её деятельностью в целом. Главные факторы недовольства, по мнению А. Н. Садового, заключались в том, что государственный курс, осуществление землеустройства, административной реформы приводили к постепенному уничтожению привилегированного социального статуса, традиционной системы самоуправления и судопроизводства, в то время как алтайская социальная верхушка пыталась отстаивать свою власть, традиционную систему землепользования и поземельных отношений, которые составляли экономическую основу этой власти [25, с. 153; 26, с. 25].

Коллективизация и перевод на оседлость кочевников в Ойротской автономной области

(Горный Алтай): социальные технологии, трансформация традиционного хозяйственного уклада

Второй этап перевода кочевого и полукочевого населения на оседлость относился к 1920–1930 гг., когда проблема вновь стала одной из ключевых. После революционных событий 1917 г., окончания в 1921 г. Гражданской войны в Советской России начинались социалистические преобразования, кардинально менявшие все сферы социальной и экономической жизни, формировалась новая доктрина национальной политики. Частью основного курса стала коллективизация сельского хозяйства. Принятие этой линии предусматривало первоочередные мероприятия по переводу скотоводов с их традиционным кочевым или полукочевым хозяйством на оседлость. Для изучения этих вопросов, состояния коллективизации, её динамики в национальных республиках, областях и среди национальных меньшинств отдельных районов РСФСР, разработки рекомендаций при Всесоюзном союзе сельскохозяйственных коллективов (Колхозцентре РСФСР) в рамках организационно-инструкторского отдела в конце 1929 г. было образовано национальное бюро (Нацбюро). В районах и областях с инородческим населением были созданы представительства и введены уполномоченные по делам национальных меньшинств Наркомнаца в Южной Сибири [5].

Частично причины перевода кочевников на оседлость в Горном Алтае или Ойротской автономной области, созданной в 1920-е гг. административно-территориальной единице, были отмечены в региональной историографии. К ним были отнесены: 1) процесс разорения кочевников в результате потери скота, главного источника их существования; 2) предпочтение зажиточной верхушки жить оседло; 3) инициирование перехода на оседлость от самих алтайцев [30]. Мы обратились к анализу архивных документов и дополнили сделанные выводы. По архивным документам прослеживается активная позиция руководства Ойротской автономной области в середине 1920-х гг. Было произведено обследование хозяйств и экономики аймаков. Отмечалось, что сельское хозяйство Горного Алтая после окончания Гражданской войны находилось в кризисном состоянии [11, л. 18; 23, л. 20]. В ходатайствах в Наркомнац об оказании экономической помощи руководство Ойротской автономной области отмечало факты, свидетельствующие об обнищании скотоводческих хозяйств, экономическом оскудении основных отраслей хозяйства — скотоводства и промыслов в результате грабежей белобандитов и реквизиций, произведённых воинскими частями, об отсутствии семенного фонда [14, л. 3, 31]. В 1920 г. примерно до 35,8 % хозяйств не имело посевов, до 15,3 % хозяйств лишилось скота, к 1922 г. сократилось его общее поголовье [13, л. 156]. Чтобы прокормить семьи, население занималось промыслами — охотой, главным образом, на белку, сбором кедрового ореха, пчеловодством. Пищевой рацион у населения был очень скуден и не разнообразен, особенно у инородцев, проживавших в Улаганском, Кош-Агачском, Чулышманском и других аймаках [9, л. 10 об.; 10, л. 4; 15, л. 3].

То есть в экономике области сложились ситуация, которая в историографии получила название, так называемых «ножниц» между высокими ценами на товары первой необходимости и низкими ценами на сельскохозяйственную продукцию и пушнину. В руководстве сформировалась устойчивая точка зрения о неизбежности перевода на оседлость алтайского населения (ойротов) с одновременной разработкой мероприятий по коллективизации, как единственно правильном курсе, чтобы улучшить сложившуюся ситуацию.

Основываясь на существовавшей системе хозяйственного уклада и расселения по районам, органами власти Ойротской автономной области была проведена социальная стратификация автохтонного населения не столько по традиционным формам экономики, сколько по «образу жизни» — оседлые, полукочевники и кочевники.

Оседлые алтайцы проживали в посёлках по соседству с русскими жителями, их хозяйственный уклад был практически один и тот же. Они строили крестьянские избы-пятистенки, «крестовые дома»; вокруг дворов и усадеб ставили изгородь; возводили пригоны и так называемые «скотские избушки» для скота,

в некоторых местах они утеплялись. Основой хозяйства было животноводство мясомолочного направления. В полеводстве и для хозяйственных нужд пользовались лошадьми. Подсобным в хозяйстве алтайцев этой категории было овцеводство, его продукция шла на удовлетворение нужд семьи. Занимались земледелием, для пополнения семейных бюджетов — извозом.

В Шебалинском, Чемальском, Онгудайском и Уймонском аймаках проживало полукочевое население. Эти районы были отдалёнными. В районе р. Чулышман хозяйства алтайцев были земледельческо-скотоводческие, в долине р. Башкауз и его притока р. Ян-Улаган — полностью скотоводческие. Алтайцы жили в постоянных бревенчатых постройках — аилах, составлявших небольшие посёлки. Аилы были покрыты тёсом или дёрном. Для скота строили хозяйственные амбары и открытые пригоны. Летом семьи переселялись в летние аилы, сделанные из бревенчатых шестов, покрытых тёсом. Аилы были постоянным жилищем, сооружались вблизи от посевов зерновых и зимних построек примерно в 0,5–2,0 км. Под посевы и сенокосы в долине р. Чулышман было отведено до 25 % всех удобных для полива земель.

И оседлые, и полукочевые ойраты испытывали недостаток кормов на пастбищах, поэтому летом весь скот перегоняли на так называемые «белки», где он выпасался практически до зимы. В долине оставляли только скот, который использовали в хозяйстве. В целом на хозяйство, способы его ведения, образ жизни алтайцев этих категорий оказывало значительное влияние русское население. Учитывая всё это, данные категории рассматривались органами власти Ойратской автономной области как наиболее перспективные и первоочередные в процессе перехода на оседлость [6; 11, л. 18, 25 об., 26, 26 об., 28].

Ойраты отдалённых Кош-Агачского, Улаганского, Усть-Канского, частично Онгудайского аймаков были отнесены к третьей категории — «кочевники».

Основные мероприятия по переводу на оседлость планировались на 1931–1932 гг., в отдельных аймаках — на 1933 г. Для достижения этой цели предполагалось осуществить переход с кочевой на отгонную систему скотоводства, что позволило бы оптимизировать число работников, привлекаемых к выпасу стад. Одновременно создать с нулевого цикла социальную инфраструктуру (сфера управления, образования, здравоохранения).

Экологические ограничители развертывания отгонной системы скотоводства в условиях высокогорных опустыненных степей были проигнорированы.

При переводе на оседлость использовались некоторые социальные технологии, применявшиеся Алтайской духовной миссией, в частности по благотворительности и оказанию помощи населению. Так, Наркомнац выступил с инициативой об установлении торгово-экономических связей с Западной Монголией, территорию которой не затронули события Гражданской войны в отличие от Горного Алтая, она не была разорена. В связи с этим Наркомнац в апреле 1923 г. обратился в Наркомат иностранных дел и Наркомат внешней торговли с ходатайствами разрешить постоянные торговые связи Ойротской АО с Западной Монголией [14, л. 31–31 об., 32]. Не остались в стороне и областные власти: начиная с середины 1920-х гг., областные органы управления также реализовывали меры по оказанию помощи ойратам. Предоставлялись льготы тем семьям, которые переходили к оседлому состоянию [7, л. 1, 2, 3; 8, л. 79]. Сокращались до трёх лет сроки выплаты по сельскохозяйственному налогу для населения, проживавшему в аймаках в степной зоне. Предусматривались льготные кредиты кочевникам [11, л. 18]. Для беднейшей части населения в пределах их земельных наделов рекомендовалось обеспечить неограниченный бесплатный отпуск строевого для строительства и дровяного леса для отопления жилищ в необходимом количестве [7, л. 1, 2; 9, л. 3]. Каждому хозяйству выделялась ссуда в размере 150 руб. на строительство хозяйственных построек [11, л. 28], хотя в архивных документах отмечен и ряд негативных фактов, когда, например, материальная помощь не оказывалась [12, л. 2].

Перед началом перевода на оседлость алтайские хозяйства были детально обследованы. Процесс перевода был плановым, постепенным, мероприятия должны были иметь показательный характер. Это касалось и создания посёлков, и проведения мероприятий хозяйственного и культурно-просветительного характера и т. д. При реализации планов были обнаружены негативные факты или так называемые «перегибы». Например, в ходе проверки в Усть-Канском аймаке в 1932–1933 гг. было выявлено, что практиковалась ежегодная смена «точек оседания», производился «отрез» участков земли у других колхозов и др. [12, л. 1, 2].

Перевод на оседлость шёл одновременно с землеустройством и коллективизацией. Эти процессы были взаимосвязаны и совпадали по времени реализации (1931–1933 гг.). Разработка программы коллективизации относилась к концу 1920-х гг. При землеустройстве сокращались расстояния перекочёвок, обеспечивались водоснабжение и агротехнические мероприятия, а позднее создавались ирригационные сооружения; кредитовалось строительство изб, скотных дворов, покупка скота, инвентаря; планировалось местоположение посёлков; организовывалась агротехническая, ветеринарная, медицинская помощь; строились медицинские пункты и школы и т. п. [6; 17, с. 57]. В целом мероприятия по переводу на оседлость населения, землеустройству и коллективизации полностью изменили общественный уклад, экономическую составляющую алтайского общества. Тем не менее элементы традиционности оставались. Например, в каждой усадьбе в алтайских посёлках рядом с бревенчатыми домами строился аил как летнее

жильё, осуществлялся выпас скота на летних и зимних пастбищах [4]. Ликвидация совхозов и колхозов, приватизация земли в ходе аграрной реформы 1990-х гг. пробудили стремление алтайского народа к возврату к традиционным формам хозяйствования — отгонному скотоводству. При разделе земельных участков на пай необходимо было решить одну из основных задач — выделение летних и зимних пастбищ. Другой аспект этой проблемы заключался в том, что надо было выделить летние пастбища, находившиеся в высокогорной местности, учитывая, что на пути отгона скота туда могли быть расположены пашенные участки. В целом около 30 % составляли сельскохозяйственные угодья [4]. При выделении пайёв этот фактор был проигнорирован. Не учитывался и тот факт, что в скотоводческих районах все отгонные пастбища находились на территории государственного лесного фонда, где до 70 % составляли леса I и II категорий [18]. В конечном итоге фермеры вынуждены были выпасать свой скот на летних отгонных пастбищах, расположенных на территории Гослесфонда. Чтобы осуществить выпас скота на них, надо было осуществить перекочевки на расстояние в 50–70 км [4].

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. В процессе перевода кочевников Алтай на оседлость прослеживаются два этапа: первый относился к первой трети XIX – началу XX в., второй — к 1920–1930 гг. На первом этапе в основе лежало стремление экономического освоения территории Горного Алтая. На втором этапе доминирующим в решении вопроса перевода на оседлость стала ориентация на качественное изменение уклада и образа жизни автохтонного населения и его интеграция в структуру советского общества. Курс, реализуемый в XIX в. Алтайской духовной миссией, был рассчитан на достаточно долгий период времени в отличие от «революционных» методов советского периода, когда перевод на оседлость автохтонных народов осуществлялся в ускоренном порядке в условиях полной модернизации.

Главным проводником перевода на оседлость на первом этапе в XIX в. стала Алтайская духовная миссия (миссионерский, или государственно-клерикальный подход). Эффективность проводимого миссионерами курса прослеживалась только в границах переселенческих посёлков и прилегающих к миссионерским станам и таёжной полосе селений. Во многом это определялось ограниченностью привлекаемых ресурсов, позволяющих «вывести» крещённых из состава общин. Проводимый Алтайской духовной миссией курс, как и административно-территориальные реформы начала XX в., был ориентирован на формирование системы землепользования и самоуправления, аналогичной с русскими переселенцами.

Курс перевода на оседлость на втором этапе осуществлялся органами государственного управления союзного, республиканского (Колхозцентре РСФСР, Нацбюро) и местного уровней (органы управления Ойротской автономной области). Важнейшим направлением деятельности в этот период были мероприятия по интеграции в структуру социалистического общества, его модернизации и как часть — коллективизации сельского хозяйства. При этом перевод на оседлость проводился практически одновременно с землеустройством и коллективизацией, в первую очередь среди полукошевого автохтонного населения и беднейшей части ойратов. Наряду с этим во время коллективизации земли переводились в сельскохозяйственный фонд и формировался государственный лесной фонд, что, безусловно, затрудняло ведение отгонного скотоводства и традиционного образа жизни.

Перевод ойратов Горного Алтая на оседлость оказал значительное влияние на все стороны их жизни. Так, в дореволюционный период шло формирование административно-управленческой системы (инородческих волостей, управления, посёлков), населению оказывались льготы, оно освобождалось от некоторых повинностей, выделялись кредиты, шло упорядочение землепользования и т. д. Всё это способствовало значительным изменениям, произошедшим в социальной и демографической структуре алтайского общества. В XIX в. были заложены основы для формирования уже в XX в. системы образования и здравоохранения, на базе которых в советский период были решены наиболее важные управленческие (формирование административно-территориального устройства, системы управления) и социальные проблемы: ликвидировано распространение инфекционных заболеваний, снижена смертность населения, созданы системы здравоохранения и образования, сформирована национальная интеллигенция и элита, проводились мероприятия по сохранению традиционной культуры и знаний.

Таким образом, на основе компаративного анализа были выявлены социальные технологии перевода кочевников Горного Алтая на оседлость. Это была осознанная деятельность социальных институтов (государственных органов управления, Алтайской духовной миссии и органов управления Ойротской автономной области). Они действовали в разных исторических условиях, но имели единую цель — интеграции и адаптации кочевников к российским реалиям. Экологические факторы и ограничители на двух этапах при реализации курса по переводу кочевников на оседлость, ведения отгонной системы скотоводства, практиковавшейся ими веками, не учитывались.

Список литературы

1. Арзютов, Д. В. Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность / Д. В. Арзютов // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2007. — Сер. 2, вып. 1. — С. 240–246.
2. Бабашкин, В. В. Об оседлости и обоседлении. Рецензия на книгу: Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. — Москва : Центрполиграф, 2019. — 318 с. (Новейшие исследования по истории России) / В. В. Бабашкин // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6, № 3. — С. 172–179. — doi: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-172-179.
3. Бадмаева, Е. Н. Природно-климатические условия территории и земледелие в Калмыкии (1917–1925) / Е. Н. Бадмаева, Б. А. Эрднеева // Genesis: исторические исследования. — 2022. — № 9. — С. 111–122. — doi: 10.25136/2409-868X.2022.9.38680
4. Белозёрова, М. В. Полевой дневник. 2007 // Личный архив М. В. Белозеровой.
5. Белозёрова, М. В. Деятельность представительств и уполномоченных по делам национальных меньшинств НА РКМнаца в Южной Сибири (1920–1930-е гг.) / М. В. Белозёрова // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. Политология. — 2008. — № 4/4. — С. 16–21.
6. Белозёрова, М. В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.) / М. В. Белозёрова. — Томск, 2008. — 56 с.
7. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 1524.
8. ГАНО. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 1603.
9. ГАНО. — Ф. Р-1. — Оп. 1. — Д. 1002.
10. Государственный архив Республики Алтай (далее — ГАРА). — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 134.
11. ГАРА. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 492.
12. ГАРА. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 726.
13. ГАРА. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 100.
14. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). — Ф. Р-1318. — Оп. 1. — Д. 235.
15. ГАРФ. — Ф. Р-1318. — Оп. 1. — Д. 1374.
16. Демидов, В. А. Переход алтайцев на оседлость / В. А. Демидов. — Барнаул : Алтайское книж. изд-во, 1968. — 103 с.
17. Екеев, Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах / Н. В. Екеев. — Горно-Алтайск : Алтайское книж. изд-во, 1988. — 208 с.
18. Земельный кодекс РСФСР // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 5. — С. 4–5.
19. История Горного Алтая. Часть 2. Горный Алтай в 1917–1940 гг. — Горно-Алтайск : Алтайское книж. изд-во, 1995. — 152 с.
20. Крейдун, Г. Ю. А. Оседлый образ жизни как основа христианизации коренных жителей Алтая в XIX в. / Г. Ю. А. Крейдун, К. Романенко // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7, № 1А. — С. 107–120.
21. Назаров, И. И. Деятельность Алтайской духовной миссии по организации поселений у кумандинцев / И. И. Назаров // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2001. — С. 147–150.
22. Насонов, А. А. Распространение ламаизма на территории Алтае-Саянского региона (конец XIX — первая треть XX вв.) / А. А. Насонов. — Томск, 2011. — 30 с.
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 7446. — Оп. 13. — Д. 15.
24. Сагалаев, А. М. Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния / А. М. Сагалаев. — Новосибирск : Наука, Сибирское отд., 1984. — 119 с.
25. Садовой, А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шорин (конец XIX – начало XX в.) / А. Н. Садовой. — Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1992. — 198 с.
26. Садовой, А. И. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма / А. И. Садовой. — Санкт-Петербург, 2000. — 43 с.
27. Садовой, А. Н. К анализу этнической составляющей механизма адаптации населения промысловых районов / А. Н. Садовой, С. С. Онищенко, В. В. Поддубиков // Центральная Азия: проблемы современного социокультурного развития. — Новосибирск : Новосибирский гос. ун-т, 2003. — С. 92–105.
28. Садыкова, Н. Т. Особенности перевода на оседлость кочевников в Кош-Агачском районе в 20–30-е гг. / Н. Т. Садыкова // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). — Горно-Алтайск : Горно-Алтайский гос. ун-т, 2019. — С. 211–214.
29. Шерстова, Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири XVII – начала XX в. / Л. И. Шерстова. — Томск, 1999. — 46 с.
30. Эдоков, И. П. Коллективизация в Горном Алтае / И. П. Эдоков. — Горно-Алтайск : Алтайское книж. изд-во, 1987. — 243 с.

References

1. Arzyutov, D. V. Khristianizatsiya shortsev i severnykh altaytsev: tserkovno-gosudarstvennaya strategiya i etnokulturnaya realnost [Christianization of the Shors and Northern Altaians: church-state strategy and ethno-cultural reality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of Saint Petersburg University], 2007, ser. 2, iss. 1, pp. 240–246.
2. Babashkin, V. V. Ob osedlosti i obosedlenii. Recenziya na knigu: Sinitsyn F. L. Sovetskoe gosudarstvo i kochevniky. Istoriya, politika, naselenie. 1917–1991. Moskva: Centrpoligraf, 2019, 318 s. (Noveyshie issledovaniya po istorii Rossii) [On settlement and settlement. Book review: Sinitsyn F. L. The Soviet state and nomads. History, politics, population. 1917–1991. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019, 318 p. (The latest research on the history of Russia)]. *Krestyanovedenie* [Peasant Studies]. 2021, vol. 6, no. 3, pp. 172–179. doi: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-172-179.

3. Badmaeva, E. N., Erdneeva, B. A. Prirodno-klimaticheskie usloviya territorii i zemledelie v Kalmykii (1917–1925) [Natural and climatic conditions of the territory and agriculture in Kalmykia (1917–1925)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research]. 2022, no. 9, pp. 111–122. doi: 10.25136/2409-868X.2022.9.38680.
4. Belozerova, M. V. *Field diary. 2007: Personal archive of M. V. Belozerova*.
5. Belozorova, M. V. Deyatelnost predstavitelstv i upolnomochennykh po delam natsionalnykh menshinstv NARKomnatsa v Yuzhnoy Sibiri (1920–1930-e gg.) [Activities of the Representative Offices and Commissioners for National Minorities of the People's Commissariat for National Affairs in Southern Siberia (1920–1930s)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya. Politologiya"* [Bulletin of the Altai State University. Series "History. Political science"]. 2008, no. 4/4, pp. 16–21.
6. Belozerova, M. V. *Problemy integratsii i natsionalnogo samoopredeleniya korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri (1920-e gg. – nachalo XXI v.)* [Problems of integration and national self-determination of the indigenous peoples of Southern Siberia (1920s – early XXI century)]. Tomsk, 2008, 56 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO)*. Found R-1, inventory 1, case 1524.
8. *GANO*. Found R-1, inventory 1, case 1603.
9. *GANO*. Found R-1, inventory 1, case 1002.
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Altay (GARA)*. Found 1, inventory 1, case 134.
11. *GARA*. Found 1, inventory 1, case 492.
12. *GARA*. Found 1, inventory 1, case 726.
13. *GARA*. Found 1, inventory 1, case 100.
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)*. Found R-1318, inventory 1, case 235.
15. *GARF*. Found 1, inventory 1, case 1374.
16. Demidov, V. A. *Perekhod altaytsev na osedlost* [Transition of the Altaians to a settled way of life]. Barnaul: Altayskoe knizhnoe izdatelstvo; 1968, 103 p.
17. Ekeev, N. V. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie derevni Gornogo Altaya v 1920-kh godakh* [Socio-economic development of the village of Gorny Altai in the 1920s]. Gorno-Altaysk: Altayskoe knizhnoe izdatelstvo; 1988, 208 p.
18. Zemelnyy kodeks RSFSR [Land Code of the RSFSR]. *Sobranie Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1997, no. 5, art. 4–5.
19. *Istoriya Gornogo Altaya. Chast 2. Gorny Altay v 1917–1940 gg.* [History of Gorny Altai. Part 2. Gorny Altai in 1917–1940]. Gorno-Altaysk: Altayskoe knizhnoe izdatelstvo; 1995, 152 p.
20. Kreydun, G. Yu. A., Romanenko, K. Osedlyy obraz zhizni kak osnova khristianizatsii korennykh zhitel'ev Altaya v XIX v. [Sedentary lifestyle as a basis for the Christianization of the indigenous inhabitants of Altai in the 19th century]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization]. 2017, vol. 7, no. 1A, pp. 107–120.
21. Nazarov, I. I. Deyatelnost Altayskoy dukhovnoy missii po organizatsii poseleniy u kumandintsev [Activities of the Altai spiritual mission to organize settlements among the Kumandins]. *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk: Omsk State Pedagogical University; 2001, pp. 147–150.
22. Nasonov, A. A. *Rasprostraneniye lamaizma na territorii Altay-Sayanskogo regiona (konets XIX – pervaya tret' XX vv.)* [The spread of Lamaism in the territory of the Altai-Sayan region (end of the 19th – first third of the 20th centuries)]. Tomsk; 2011, 30 p.
23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)*. Found 7446, inventory 13, case 15.
24. Sagalae, A. M. *Mifologiya i verovaniya altaytsev. Tsentralno-aziatskie vliyaniya* [Mythology and beliefs of the Altaians. Central Asian influences]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdeleniye; 1984, 119 p.
25. Sadvoy, A. N. *Territorialnaya obshchina Gornogo Altaya i Shorin (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Territorial community of Gorny Altai and Shorin (late XIX – early XX centuries)]. Kemerovo: Kemerov State University; 1992, 198 p.
26. Sadvoy, A. I. *Narody Yuzhnoy Sibiri v XIX–XX vv. Etnosotsialnye aspekty paternalizma* [Peoples of Southern Siberia in the 19th–20th centuries. Ethnosocial Aspects of Paternalism]. Sankt-Peterburg; 2000, 43 p.
27. Sadvoy, A. N., Onishchenko, S. S., Poddubikov, V. V. K analizu etnicheskoy sostavlyayushchey mekhanizma adaptatsii naseleniya promyslovnykh rayonov [To the analysis of the ethnic component of the mechanism of adaptation of the population of fishing areas]. *Tsentralnaya Aziya: problemy sovremennogo sotsiokulturnogo razvitiya* [Central Asia: problems of modern socio-cultural development]. Novosibirsk: Novosibirsk State University; 2003, pp. 92–105.
28. Sadykova, N. T. Osobennosti perevoda na osedlost kochevnikov v Kosh-Agachskom rayone v 20–30-e gg. [Peculiarities of the transition of nomads to a settled way of life in the Kosh-Agach region in the 20–30s]. *Istoriya i kultura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh regionov (Kazahstan, Mongoliya, Kitaj)* [History and culture of the peoples of Southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University; 2019, pp. 211–214.
29. Sherstova, L. I. *Etnopoliticheskaya istoriya tyurkov Yuzhnoy Sibiri XVII – nachala XX vv.* [Ethnopolitical history of the Turks of Southern Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Tomsk, 1999, 46 p.
30. Yedokov, I. P. *Kollektivizatsiya v Gornom Altaye* [Collectivization in Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: Altayskoe knizhnoe izdatelstvo; 1987, 243 p.

Информация об авторе

Белозёрова М. В. — доктор исторических наук, доцент.

Information about the author

Belozerova M. V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 27.03.2023.